

воскресенье, 17-го января 1910 г.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Воскресенье, 17-го января 1910 г.

РУССКОЕ СЛОВО

№ 13

Подписка съ доставкой и пересылкою:

На годъ . . . 7 р.—к. | На 3 месяца . 3 р. 25 к.
На 1/2 года . . 4 р.—к. | На 1 . . . —р. 80 к.

За доставку адреса указывается 25 к., съ порос-
кою на иностранную — 50 коп.

РЕДАКЦИЯ:

МОСКВА, Тверская ул., д. 7-на Н. Д. Сытина.
Телефонъ № 87-82.

Редакция для личныхъ сообщений — съ 4 до 5 час.
Рукопись, не написанная редакцией съ листа, не возвращается.

КОМПОЗИТОРА:

МОСКВА, Тверская ул., д. 7-на Н. Д. Сытина.
Телефонъ № 82-83 и 88-87.

Композиторъ открытъ съ 9 час. утра до 6 веч.
Телефонъ телеграфа № 15-32.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Первая строка — 80 к., вторая — 40 к. за строку коммента.
Сторонняя строка — 1 р. 25 к.

Прогресс и лев., внутри круга — 80 к. за разъ при
размѣрѣ до 6-ти строкъ.

№ 13

ЦЕНА № 17. МОСКОВЬ 3 К.
7 разослано въ 1910 году.

ЦЕНА № 17. МОСКОВЬ 3 К.
7 разослано въ 1910 году.

ЛИПОВЫЙ ЧАЙ.

Статья Д. В. Философова.

Русские писатели почти никогда не ограничивались «чистым искусством». Все они философствовали, занимались политической, — словом, были «учителями жизни».

Чехов до самой смерти остался только художником. Он избегал высказываться по какому бы то ни было вопросу, занимавшему русское общество.

Конечно, ему приходилось сталкиваться с людьми самыми разнообразными, высказывать свои мнения. Но это были мнения собеседника, а не учителя. Появившиеся в печати письма его напоминают письма Тургенева. Непринужденная беседа, мнения характеризовали, крайне перемешанное настроение. Тонкая, впечатлительная душа, разрешающая свою трагедию в юмор.

До чего эти письма непохожи на письма Льва Толстого! Толстой всегда учить, всегда требует, дает совет, как жить и что делать. Къ Толстому все и обращаются, как къ учителю. У Чехова же вряд ли кто искал жизненного руководства. Боже того. Сколько раз мы читали в газетах, что Максим Горький по данному вопросу, хотя бы даже пустяковому, высказался так-то, а вот Леонид Андреев — иначе. Но «интервью» с Чеховым мы просто даже представить себе не можем.

Не такой он был человек, чтобы определенно и резко высказываться, чтобы отстаивать какую-нибудь теорию или программу.

У него была своя логика — художественное творчество.

И понятно, что никто не смотрит на Чехова, как на учителя.

Он — не учитель, а, скорей, любимый друг и брат. Врач, который помогает не столько своими знаниями, правильной постановкой диагноза, сколько своим особенным, душевным отношением к пациенту. Видь, от врача далеко не всегда требуют наставления. В нем ценят внимание. Тысячи больных в больницы. Не отличишь одного от другого. И все-таки страдают одной болезнью, ну, тифом, что ли. Врач только тогда считается любимым, если он замечает каждого из этих незамысловатых людей, понимает, что для холостого Ивана тиф совсем не то, что для обремененного семей Петра.

Чехов замечал незамысловатых людей. Боже того, он ценил людей, как-то изнутри понимал их несложные, но сколько для них важные переживания, а главное — ничего от них не требовал.

В сущности, и дядя Ваня, и Николай Алексеевич Иванов, и Трехпалый, и Астров, не говоря уже о Сеппеле, Прохоровых, подполковник Вершинин и т. д., — самые срые, незамысловатые люди.

До Чехова их как бы не существовало. Их никто не замечал. Они скорбали, страдали, радовались, влюблялись в каком-то коллективном одиночестве, были тварью, совокупно стеножающе.

Примель Чехов, замечал их и как-то утверждал.

Ни в чем реальном он этим маленьким людям не помог. Не указал им выхода, не разъяснил ни одного мучившего их вопроса.

Но, видь, и старая нянька Марина не выликала наприличающего профессора, не создала ему успеха, не вернула его на кафедру.

Однако, она, несомненно, ему помогла. В атмосферу общего недоумения и раздражения она внесла чужую, человеческую ласку. Призвала за профессором право быть таинким, потому что Чехов любил, признала законность его капризов.

— Поидем, свѣтъ... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею, Богу за тебя помолюсь. У самой-то у меня ноги так и гудят, так и гудят!

Здесь как бы весь Чехов.

Он с особым искусством умел поить нас липовым чаем, а главное — за всеми его словами чувствовалось, что ножки у него так и гудят, так и гудят!

Он никому не обещал спасения, не говорил, что у него есть «секрет». Но все твердо знали, что он преисполнен жалости и сострадания.

И не три, а триста тысяч «сестер» почувствовали сразу облегчение. Конечно, временное, потому что Чехов любил не болезнь, а симптомы ее, но все-таки облегчение.

Осташа Тарасъ Бульба не спас от смерти, но все-таки Осташу было легче от сознания, что батяня его слышит.

— «Батько! Гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?»

— «Слышу!» — раздалось среди общей тишины... Осташ — герой. Его стоны, призывы на площадь, перед «миллионами народа», услышать гораздо легче, чем даже не стоны, а хрипы миллионов маленьких людей, сидящих в своих конурах. Здесь нужны какие-то микрофоны, здесь нужен слух какого-

нибудь индѣйца из романа Фенimore Купера, слух «Слѣдопыта».

Маленьких людей видѣли, конечно, и Толстой, и Достоевский. Но их маленькие люди почему-то выходили всегда великанами. Простой мужик Каратаев — под-стать, по крайней мѣрѣ, Конфуцию, а гвардейский офицер князь Болконский — сродни Шоненгауэру.

Мармеладов или капитан «Мочалка» в пьяном видѣ задавали непременно кому «проклятых» вопросов. И Толстой, и Достоевский — писатели космические. Они воздвигали Пеліонъ на Осеу.

У Чехова маленькие люди остаются тѣми, что они есть. Они не растут и не могут расти. Они никогда не ведут «умных» разговоров.

Умные разговоры встрѣчаются въ наиболѣе слабых вещах Чехова, написанных под влиянием Толстого.

У Достоевского и Толстого всегда:

«Высота ли, высота полнебесная,
Глубота, глубота океана море.»

У Чехова никаких глубин и высот, Пеліонъ и Осеу.

Сѣреный русский пейзаж, с елочками и березками, безконечная степь, гдѣ как бы слышится плач «звѣзды» Ярославны: «О, вѣтре, вѣтрило, чему, господние, насильно вѣеши?»

Ничего, проникновенная любовь к данному, и смутная, едва уловимая надежда на то, что «все образуется».

А пока... «липовый чай». «Мнѣ онъ помочь, и вамъ поможетъ. А что — ножки гудятъ, так и у меня онъ гудятъ!»

Большой художник был Чехов. Добрый, хороший человек был Антонъ Павлович. Одно как-то дополнило другое.

Достоевский любил русских мальчишек, которые по трактирамъ «о Богу спорятъ». Толстой учить, как перхитить зло, бороться с нимъ непротивлениемъ.

«Мальчишки» Чехова никогда не говорятъ о Богу, да вообще мало говорятъ. Имъ все как-то некогда, жизнь забѣла. То почта возить надо, то въ «Славянскомъ Базарѣ» котлеты подавать, то дѣтей кормить.

Бороться со зломъ, даже по вѣному, усовершенствованному, толстовскому способу, они и не думаютъ. «Не до жиру, быть бы живу». Видь, самый фактъ жизни для нихъ уже героизмъ. Они все какіе-то подкошенные, с червоточинкой. И когда кто-нибудь чего-нибудь от нихъ требуетъ, они смотрятъ удивленными, добрыми глазами затравленной ланч.

Съ нихъ нельзя требовать, да и они не требовательны. Иванъ Карамазовъ не знаетъ, — возвращать ли ему билетъ на входъ въ рай, или нѣтъ. Чеховские герои были бы довольны, если бы «Виллисава сада» не продавали, артиллерию не переводили въ другой городъ и профессоръ не такъ капризничалъ.

Всякій «тенденціозный» писатель, прежде всего, требователенъ. Чеховъ — эстетъ чистѣйшей воды. Онъ оставляетъ все какъ есть и тихо жалѣетъ людей.

Поэтому все уставшіе, утомленные самымъ фактомъ жизни тинулись къ нему, за «липовымъ чаемъ».

Поэтому Чеховъ, можетъ-быть, единственный изъ русскихъ писателей, у котораго — только поклонники и нѣтъ враговъ. Не любятъ тѣхъ, кто требуетъ, пристаётъ, заставляетъ отвѣчать на трудные вопросы.

Требовательные люди — жестоки. У Чехова жестокости нѣтъ никакой.

«Все мы безпощадны, и всего безпощаднѣе, когда мы правы», — сказалъ Герценъ.

Чеховъ не безпощаденъ, потому что онъ никогда не считалъ себя правымъ. Жизнь онъ принималъ такъ же покорно, какъ и смерть. Не надо забывать, что лучшей своей вещи онъ написалъ, ясно ощущая смерть, которая годами боролась съ нимъ. Смерть какъ бы жила въ немъ. На жизнь онъ смотрѣлъ подъ знакомъ смерти.

Безпощадны жизнь и смерть. Люди же должны жалѣть и щадить другъ-друга.

Сегодня, въ день чеховскихъ поминковъ, хочется сказать: «Любите Чехова, какъ онъ васъ любилъ. Учитесь у него состраданію, великой жалости къ людямъ. Цените его великій художественный даръ. Не поддавайтесь соблазну чеховщины. Липовый чай хорошъ для больныхъ, для тѣхъ, у кого ножки гудятъ. Въ минуты унынія и усталости отчего жъ и не поить липового чаю. Но жизненное дѣло творится людьми здоровыми, крѣпко стоящими на ногахъ».

Мудрый художникъ пожалѣлъ, пощадилъ насъ. Поминемъ его за это съ благодарностью. Но сами себя жалѣть мы не имѣемъ права.

О, если бы мы меньше себя жалѣли, были безпощаднѣе къ себѣ и требовательнѣе къ другимъ!

Д. ФИЛОСОВОВЪ